

УДК 93+94

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.73>

Курильские айны в российско-японских отношениях второй половины XVIII в.: коммуникационный аспект

В. В. Щепкин*

Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается один из аспектов роли курильских айнов в становлении российско-японских отношений во второй половине XVIII в., а именно их роль в поддержании коммуникации между властями России и Японии и сообщении о значимых событиях. Цель исследования – установить, каким образом информация о внутренних событиях двух стран могла проникать в Россию и Японию в условиях отсутствия прямых двусторонних отношений, и подтвердить предположение, что ключевую роль в этом играли курильские айны. Источниками исследования послужили журналы российских экспедиций к южным Курильским островам и на Хоккайдо 1768–1769, 1778–1779 и 1792–1793 гг., другие документы, имеющие отношение к их организации и подготовке, а также записки японских чиновников об экспедициях к южным Курильским островам в 1785–1791 гг. Дается краткая характеристика курильских айнов, которые представляли собой не единую субэтническую группу, а две локальные общины – северокурильских айнов, населявших северные и средние Курильские острова, и южнокурильских, проживавших на южных Курилах и северо-востоке Хоккайдо. Местом встреч торговых контактов и информационного обмена между ними служил остров Уруп. Исследуется восстание айнов на о. Кунашир и северо-востоке Хоккайдо в 1789 г., проникновение информации о нем в Россию, а также ход выяснения обстоятельств восстания российской стороной. Описывается эпизод с проникновением в Японию сведений о предстоящем возвращении российской экспедицией потерпевших кораблекрушение японцев в 1792 г. На этих двух примерах показывается, каким образом мог происходить обмен информацией между Россией и Японией в период отсутствия прямых двусторонних отношений: высказывается гипотеза, что он осуществлялся благодаря контактам двух групп курильских айнов, имевшим место на острове Уруп.

Ключевые слова: российско-японские отношения, айны, коренные народы, экспедиции, Курильские острова, Япония.

Для цитирования: Щепкин В. В. Курильские айны в российско-японских отношениях второй половины XVIII в.: коммуникационный аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 46. С. 73–83. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.73>

Kuril Ainu in Russo-Japanese Relations in the Second Half of 18th Century: Communication Aspect

V. V. Shchepkin*

Institute of Oriental Manuscripts RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines one aspect of the role of the Kuril Ainu in the establishment of Russo-Japanese relations in the second half of the 18th century, namely their role in maintaining communication between the Russian and Japanese authorities and reporting about significant events. The aim of the study is to establish how information about internal events of the two countries could penetrate into Russia and Japan in the absence of direct bilateral relations, and to confirm the assumption that the Kuril Ainu played a key role in this process. The sources of the study are the journals of Russian expeditions to the southern Kuril Islands and Hokkaido in 1768–1769, 1778–1779 and 1792–1793, other documents related to their organization and preparation, as well as notes by Japanese officials on expeditions to the southern Kuril Islands in 1785–1791. The introduction briefly characterizes the Kuril Ainu, who were not a single sub-ethnic group but two communities – the North Kuril Ainu, who inhabited the northern and middle Kuril Islands, and the South Kuril Ainu, who lived in the southern Kurils and northeastern Hokkaido. Urup Island served as a place of meetings, trade contacts and information exchange between them. The main part of the article consists of two paragraphs. The first one is devoted to the rebellion of the Ainu on Kunashir Island and northeast Hokkaido in 1789, the penetration of information about it into Russia, as well as the process of clarification of the circumstances of the rebellion by the Russian side. The second paragraph describes an episode with the penetration into Japan of information about the impending return of shipwrecked Japanese by a Russian expedition in 1792. These two examples show how the exchange of information between Russia and Japan could have taken place in the absence of direct bilateral relations: it is confirmed that it took place through contacts between two groups of Kuril Ainu on the island of Urup.

Keywords: Russo-Japanese relations, Ainu, Indigenous peoples, expeditions, Kuril Islands, Japan.

For citation: Shchepkin V.V. Kuril Ainu in Russo-Japanese Relations in the Second Half of 18th Century: Communication Aspect. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, vol. 46, pp. 73–83. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.73> (in Russian)

Основной контактной зоной русских и японцев в ходе становления двусторонних отношений в XVIII в. стали Курильские острова и Хоккайдо, а с начала XIX в. – еще и Сахалин. Все эти территории являлись домом для одного из коренных народов Северо-Восточной Азии – айнов. Айны не имели собственного государства. Напротив, поскольку в зависимости от места проживания их хозяйство могло основываться на разных комбинациях рыбной ловли, охоты на лесных или морских животных, собирательства, огородничества, а также торговых связей с сопредельными народами, они делились на несколько субэтнических групп, сохранявших региональные различия в языке и культуре и локальную идентичность. В то же время благодаря интенсивным торговым и брачным контактам между этими группами поддерживалось языковое единство и общее этническое самосознание (оппозиция *айну* – *сямо*, т. е. «свои, настоящие люди» и «чужаки»).

Самым распространенным в науке остается сегодня разделение айнов по наиболее очевидному географическому признаку на курильских, сахалинских и хоккайдоских. Этнографы и лингвисты часто следуют такому разделению, говоря, соответственно, о региональной культурной специфике и

диалектных различиях. В то же время многие ученые признают существование большего количества локальных и диалектных групп [1, с. 126; 8, с. 228–237]. Так, например, айны, жившие на Курильских островах с точки зрения языка культуры и хозяйственного быта разделялись на две большие группы: северокурильские, населявшие острова к северо-востоку от Урупа вплоть до Камчатки, и южнокурильские, жившие на южных Курилах (Итуруп, Кунашир, Шикотан), а также в северо-восточной оконечности Хоккайдо. Уэхара Кумадзиро, японский переводчик айнского языка, живший на рубеже XVIII–XIX вв., в своем сочинении «Исследование айнских топонимов и записи расстояний» (яп. *эдзо тимэй ко: нарабини ритэйки 蝦夷地名考並里程記*) зафиксировал айнские названия этих двух групп: соответственно *чупкаунокур* («люди, [живущие там], где восходит солнце») и *симэнасунокур* («люди, [живущие] далеко на востоке»)¹.

Примечательно, что схожий вывод о проживании на Курильском архипелаге двух субэтнических групп айнов делал и А. С. Полонский, который писал, что еще при занятии Камчатки казаки узнали от местных жителей о соседнем племени «курильцов ближних (уйвуть-эске) и дальних (яункур)», а потому «разделение племени курильцов на ближних и дальних существовало уже ранее знакомства с ними русских» [6, с. 374].

По данным российских источников XVIII–XIX вв., северокурильские айны к моменту прихода русских на Камчатку населяли преимущественно самые северные острова гряды Шумшу и Парамушир, а также южную оконечность Камчатки, причем жители Шумшу и Камчатки были «камчадалского происхождения», подвергшиеся сильному культурному и языковому влиянию своих южных соседей, уже «чистых» айнов [6, с. 374–375]. Курильские острова к югу от Парамушира и к северу от Итурупа служили местами сезонных промыслов на морских зверей и птиц. Однако с первой половины XVIII в. многие жители северных Курил стали переселяться на некоторые из этих островов, скрываясь от необходимости выплаты чрезмерного, по их мнению, ясака. Так, возникли постоянные поселения на сравнительно крупных островах Онекотан, Шиашкотан, Симушир [6, с. 384].

Северокурильские айны занимались преимущественно промыслом морских животных: мясо и жир шли в пищу, шкуры – на одежду и на продажу айнам южных Курил, а через них – японцам. Также была распространена охота на птиц, а рыбная ловля – в отличие от айнов Хоккайдо и Сахалина – в меньшей степени. Промышляемые северокурильскими айнами шкуры калана, пенис морского котика и орлиные хвосты входили в официально утвержденные списки подношений князя Мацумаэ сёгунам Токугава, а потому торговые связи с ними имели большое значение для властей княжества [9, с. 110].

В то же время японцы прямых торговых отношений с северокурильскими айнами не имели, посредниками выступали упомянутые выше

¹ Уэхара Кумадзиро. Эдзо тимэй ко: нарабини ритэйки = Исследование айнских топонимов и записи расстояний // Неопубликованная рукопись из коллекции Токийского национального музея, шифр хранения QA-601. (на яп. яз.)

симэнасункур – айны, населявшие северо-восточную оконечность Хоккайдо и Курильские острова к югу от Урупа. По сведениям российских источников 1760–1770-х гг. на острове Уруп постоянного населения не было, остров служил местом промыслов (главным образом каланов), а также местом встреч и торговли айнов северных и южных Курильских островов [6, с. 436–437; 7, с. 161]. Айны южных Курильских островов же встречались с японскими купцами и чиновниками княжества Мацумаэ в северо-восточной части Хоккайдо, где находились японские торговые конторы Киитаппу и Аккэси.

Изучение российских и японских источников второй половины XVIII в. дает основания полагать, что именно эти две группы айнов играли особенно важную роль и в становлении российско-японских отношений. Ниже мы будем использовать название «курильские айны» как объединяющее эти две группы, а «северокурильские» и «южнокурильские» – при необходимости выделить одну из групп. В ряде предшествующих публикаций мы уже указывали на важную роль курильских айнов в истории российско-японских отношений, выделяя несколько функций: информаторов, торговых посредников, проводников, переводчиков [11–13]. В данной статье будет подробнее рассмотрена коммуникационная функция курильских айнов в ранних российско-японских отношениях.

В широком смысле коммуникационная функция курильских айнов в российско-японских отношениях XVIII – начала XIX в. включает три аспекта: 1) сообщение первоначальных сведений о русских японцам и о японцах русским до начала прямого взаимодействия представителей двух народов (первая половина – середина XVIII в.); 2) перевод во время встреч и переговоров (а точнее, использование айнского как языка-посредника между русским и японским); 3) информирование о текущих событиях. Именно этот последний аспект будет подробно рассмотрен ниже.

При изучении российских и японских документов конца XVIII в. были обнаружены свидетельства того, что о таких событиях, как восстание айнов на Кунашире и северо-востоке Хоккайдо 1789 г. и возвращение потерпевших крушение японцев на родину в 1792 г. миссией Адама Лаксмана, российской и японской сторонам соответственно стало известно гораздо раньше, чем это считалось до сих пор. Судя по всему, важную роль в распространении информации об этих событиях сыграли именно две группы курильских айнов. В данной статье будет показано, каким образом могло происходить такое информационное взаимодействие на Курильских островах.

Восстание айнов 1789 г. и сведения о нем в России

В июне 1789 г. более сотни айнов на Кунашире, а затем и в северо-восточной части Хоккайдо стали стихийно нападать в разных местах на японские сезонные торговые фактории, убив в общей сложности свыше 70 японцев. Эти события японские историки называют «восстанием айнов в период Кансэй²» или «войной на Кунашире и в Мэнаси³». Власти княжества

² Правление под девизом Кансэй пришлось на 1789–1800 гг.

³ Мэнаси (от айн. *menas* «восток») – обозначение северо-востока Хоккайдо.

Мацумаэ, узнав о выступлении айнов 23 июня, собрали для его подавления отряд из 260 самураев, который прибыл на место к концу августа. Благодаря помощи некоторых влиятельных местных вождей японцам удалось быстро выявить зачинщиков и активных участников выступления – всего 37 человек – и казнить их [подробнее см.: 4, с. 87–92; 14, с. 165–184].

Военное правительство в Эдо узнало о выступлении айнов благодаря Могами Токунаи (1754–1836), участнику первой японской экспедиции на Хоккайдо и Курилы 1785–1786 гг., который после безуспешного ее окончания поселился в Нохэдзи на самом севере Хонсю и продолжал собирать информацию о землях айнов. Глава правительства Мацудайра Саданобу (1759–1829) направил в княжество Мацумаэ для выяснения обстоятельств двух чиновников бакуфу, Аосима Дзюндзо (1751–1790) и Касахара Годая (?–?), инкогнито, а также допросил главу торгового дома Хидая Кюбээ (1765–1822), в чьем ведении были торговые участки, на которых произошло выступление.

Судя по сохранившейся переписке Мацудайра Саданобу с чиновниками бакуфу, более всего в выступлении айнов его беспокоил возможный «российский след» [15, с. 458–459]. Однако, когда в результате разбирательства он понял, что единственной причиной выступления стало жестокое обращение сотрудников торгового дома Хидая Кюбээ с местным населением, Мацудайра Саданобу по достоинству оценил скорое подавление выступления княжеством Мацумаэ и решил более не вмешиваться в это дело [14, с. 174–184].

Однако в контексте темы данной статьи интерес для нас представляет другое. Спустя три года после описанных событий, 7 октября 1792 г.⁴ в те же места, где произошло выступление, прибыло российское судно «Св. Екатерина», на котором Адам Лаксман доставил в Японию японских моряков Дайкокуя Кодая, Исокити и Коити, используя это как предлог для начала переговоров об установлении торговых отношений. В 6-м пункте инструкции Лаксману (он получил ее 1 августа 1792 года), где говорилось об исследовании острова Хоккайдо во время ожидания ответа от японцев, иркутский губернатор И. А. Пиль в числе прочего писал: «Вы должны... также неприменно разведать, не было ли в 1789 г. летом с японцами у курильцов⁵ какого несогласия, ибо по дошедшим сюда сведениям известно, что курильцы около тамошних островов [...] японцев до 70 чел. побили». В инструкции подробно описаны и обстоятельства этого «несогласия»: якобы айны нашли на Итурупе выброшенные морем на берег шесть фляг с водкой, напоили ею японцев, прибывших туда на двух судах, а их начальник после этого умер. Посчитав, что айны сделали это умышленно, японцы затеяли ссору, в результате которой сами и были убиты. Спасшиеся же на одном из судов японцы затем снова напали на айнов, разграбили их имущество, а нескольких взяли в плен [6, с. 480].

В документе после слов о «дошедших сюда сведениях» стоит сноска, в которой указано, что «Тоён Слободчиков, в бытность на 18-м острове, слышал о том от мохнатых и, возвратившись, донёс в Большерецкую канцелярию». Словом «тоён» в XVIII в. называли вождей или старейшин коренных

⁴ Здесь и далее даты даются по юлианскому календарю.

⁵ В российских источниках XVIII в. айны назывались «курильцами».

народов Тихоокеанского региона (алеутов, чукчей, коряков, айнов). Фамилия Слободчиков, вероятно, была дана айнскому вождю с северных Курил от одного из восприемников при крещении: А. С. Полонский упоминает сборщика ясака Слободчикова, посетившего в 1745 г. 9-й Курильский остров Чиримкотан [6, с. 399], а также байдарщика курильца Слободчикова, принявшего участие в российской экспедиции на Уруп в 1775–1780 гг. [6, с. 452]. Вероятно, этот курилец Слободчиков, байдарщик в 1776 г., стал впоследствии, к 1792 г., «тоёном».

Лаксман в своем «Журнале» по поводу исполнения соответствующего пункта инструкции писал, что поручил разведать об этом инциденте переводчику японского языка (очевидно, Е. И. Туголукову), который и узнал от японских чиновников, что «1788 года в мае месяце пришло японское судно с разными на курильскую руку товарами в пристань» недалеко «от здешней пристани Нимуро на северо-запад», где «из зависти на имеющиеся привезенные товары здешние и 20-го острова (Кунашира. – В. Щ.) курильцы, сговорясь между собою, сделали нападение и побили 75 чел. японцев, а товары по себе разделили» [2, с. 121]. Однако вскоре несогласные с выступившими айны сообщили об этом в ближайшие места, где жили японцы, и в результате из Мацумаэ был прислан чиновник с отрядом из 150 чел. «для разбирательства и усмирения по делу сего бунта». Он собрал всех айнов в одном месте, казнил зачинщиков «из их тойонов и старшин 35 чел.» и засолил их головы для представления в Мацумаэ [2, с. 121].

Кроме того, Лаксман изложил и другую версию причины произошедшего события, сообщенную теми же японскими служителями. По их словам, нападения курильцев на японцев произошли «ни из чего другого, как оттого, что японцы с ними весьма поступали свирепо и все, что только курильцы помыслить могли, у них отбирали, даже и принужденно их к промыслу и ко всяким тяжким работам принуждали» [2, с. 121]. Эту же версию поведали и сами айны одному из участников экспедиции Д. Я. Шабалину (он посещал южные Курилы и Хоккайдо еще в 1778–1779 гг. и немного понимал по-айнски). Наконец, Лаксман добавлял, что, по словам японцев, «мохнатые курильцы по северному берегу сего острова до упоминаемой пристани Чуруй верны, а далее против 20-го острова, равно как и на западной стороне живущие, весьма непостоянны и сумнительны» [2, с. 121].

Мы видим, что Лаксман не просто выполнил предписанную инструкцию, но и изложил две версии произошедших событий, полученные от японских чиновников и от айнов. Если японцы сообщали, что айны начали выступление «из зависти на товары», то, согласно айнам, причиной восстания стало жестокое обращение с ними японских промышленников – версия, к которой впоследствии пришли и официальные японские дознаватели. Ошибка в сведениях Лаксмана лишь в годе событий – 1788 вместо 1789.

Приводимые Лаксманом данные о числе убитых в ходе восстания японцев и казненных айнов довольно близки к оценкам современных японских историков: он говорит о 75 и 35 чел. соответственно (согласно современным оценкам, эти числа несколько иные – 71 и 37). О восстании айнов писал в

своём журнале и ещё один участник экспедиции – геодезии сержант И. Ф. Трапезников, однако приводимые им сведения о числе убитых в ходе восстания японцев и казненных айнов ещё более далеки от реальности: он называет цифры 172 и 391 соответственно [3, с. 57]. Так или иначе, данные участников экспедиции в целом подтвердили и частично уточнили сведения, полученные за один-два года до экспедиции от тоёна Слободчикова.

Этот пример показывает нам, во-первых, что сообщение информации о событиях в приграничном регионе Японии и России было возможным, во-вторых, каким образом оно могло совершаться – через северокурильских айнов, приезжавших на Уруп и встречавшихся там с айнами южных Курильских островов, а, в-третьих, что совершалось оно довольно быстро: событие лета 1789 г. стало известным в Иркутске не позднее лета 1792 г. В целом это неудивительно. Если предположить, что тоён Слободчиков побывал на Урупе в 1790 г. и сообщил о восстании в Большерецкую канцелярию на Камчатке в том же или следующем году, то до Иркутска эта новость могла дойти как раз к 1791 или 1792 г.: путь из Большерецка через Охотск и Якутск в Иркутск мог занимать примерно от трех до шести месяцев, при этом путь до Охотска был доступен лишь в период навигации.

Сообщение о возвращении потерпевших крушение японцев в 1792 г.

Ещё больший интерес представляет случай сообщения информации в обратном направлении – из России в Японию, но тем же способом – через курильских айнов. Уже упоминавшийся Могами Токунаи в своём сочинении «Продолжение айнских тетрадей», законченном в 1800 году, описывал свое посещение острова Итуруп в 1791 г. Он надеялся встретить там троих русских, с которыми встречался в ходе посещения острова в предыдущий раз, во время правительственной экспедиции 1785–1786 гг. [14, с. 157–158], однако их там не было. Вот что писал по этому поводу Токунаи:

«В третьем году правления Кансэй⁶ я, Могами Токунаи, вдвоем с Вада Хёдаю, снова приехал в Сарсам⁷ на Итурупе по правительственному делу в землях айнов. Те русские (с которыми Токунаи встречался в 1786 году. – В. Щ.) пробыли в этом месте семь лет, однако прошлой осенью на остров Чирпой приехал чиновник из России и передал приказ Зуеву вернуться обратно. Он покинул это место всего за два дня [до моего приезда] и сказал, что направился на Уруп. Таким образом я опоздал всего на три дня и не смог расспросить русских. Однако теперь, задав вопрос о текущей ситуации, я узнал от айнов, что по слухам в следующем году Крысы⁸ русские приедут, чтобы вернуть в Японию унесенных течением» [5, с. 453–454].

Как мы знаем, действительно, через год, 8 октября 1792 года в гавань Нэмуру на северо-востоке Хоккайдо прибыло судно «Св. Екатерина», на борту которого находилась российская экспедиция во главе с Адамом Лакс-

⁶ 1791 год.

⁷ Сарсам (в японском варианте Сярюсяму) — поселение в северо-восточной оконечности о. Итуруп, в районе бухты Славная, откуда совершались плавания местных жителей на соседний о. Уруп.

⁸ 1792 год.

маном, а также трое японцев, взятых для возвращения на родину. Получается, что Могами Токунаи узнал о возможном визите российской экспедиции осенью 1791 года, за год до ее приезда и примерно в то же самое время, когда указ Екатерины II иркутскому губернатору Пилю об ее организации и отправке был только издан (это произошло 8 сентября 1791 года). Могли ли сведения о готовящейся экспедиции просочиться на Курильские острова так быстро? Или же Могами Токунаи присвоил себе заслугу в заблаговременном выяснении сведений о визите россиян «задним числом» – ведь его сочинение было написано уже после приезда Лаксмана?

Здесь нужно вспомнить, что высочайшее решение об отправке экспедиции от имени иркутского губернатора было принято по ходатайству Эрика Лаксмана, отца будущего главы экспедиции поручика Адама Лаксмана. Лаксман-старший отправился для этого в Петербург, судя по всему, в самом начале 1791 года, взяв с собой из Иркутска одного из японцев, оказавшихся в России в 1783 году, – Дайкокуя Кодаю [10, с. 187].

Вообще, после прибытия японцев из Охотска в Иркутск 7 февраля 1789 года Эрик Лаксман и Кодаю до того, как самим отправиться в Петербург, трижды отправляли прошения о возвращении японцев на родину. Первое такое прошение было составлено Лаксманом летом 1789 года. В ответ на него из столицы пришло «указание отказаться от мысли о возвращении на родину» и предлагалось «стать чиновником той страны». На второе обращение по тому же вопросу 3 февраля 1790 года пришел ответ, что если японцы не желают поступать на службу, то могут остаться в России в другом качестве, например, купцов. 7 февраля японцы отклонили и это предложение и направили третье прошение. Ответа на это третье прошение Кодаю не получил, а точнее получил в виде прекращения денежного довольствия от губернских властей [10, с. 187–188]. Однако, судя по всему, ответ из столицы все же был получен, но местные власти не спешили передавать его японцам.

В своем письме графу А. Р. Воронцову от 26 февраля 1791 г. Лаксман, уже находясь в Петербурге, писал: «[Японцы] привезены были в Иркутск на казенном же иждивении, куда приехали они 19 января 1789 г., где они равным образом содержимы были казенным иждивением по 1790 г., в котором на представление об них Иркутской казенной палаты воспоследовал Правительствующего сената указ, чтобы им более из казны на содержание не выдавать, а доставить способ к возвращению в их отечество» [7, с. 284–285]. Очевидно, местные власти не спешили выполнять это поручение, а когда об этом стало известно Лаксману, он и решил отправиться лично в Петербург, чтобы добиться выполнения на высшем уровне.

Однако каким же образом сведения о будущей экспедиции и возвращении в Японию унесенных течением японцев стали известны курильским айнам еще до официального решения в сентябре 1791 г.? Нам остается лишь высказать предположение, что само обсуждение этого вопроса с лета 1789 г. по февраль 1791 г. в виде трех прошений японцев и трех ответов на них тем или иным образом стало достоянием общественности в Иркутске, а затем и в других городах губернии – Якутске, Охотске и Большерецке. Вероятно, ко-

гда в ответ на третье прошение японцев иркутскими властями было получено предписание «доставить способ к возвращению в их отечество», иркутский губернатор все же делал запросы на места – в Охотск и на Камчатку, чтобы узнать о возможности подготовить судно для этих целей. Это и могло дать волну слухов.

Это лишь два примера распространения информации между Россией и Японией через курильских айнов во второй половине XVIII века, которые нашли отражение в письменных источниках. Тем не менее, на наш взгляд, они наглядно свидетельствуют о важном месте айнов в ранних российско-японских отношениях как информантов и посредников, а также дают основания предполагать функционирование такой информационной сети и в более ранние времена.

Список литературы

1. *Алпатов В. М.* Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М. : Индрик, 1997. С. 126–138.
2. Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 113–148.
3. *Карташов К. М.* «Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег» как источник по экспедиции А. К. Лаксмана (1792–1793 гг.) // Японские исследования. 2017. № 4. С. 50–61.
4. *Лим С. Ч.* Восстание айнов на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо) в 1789 году // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1(17). С. 87–92.
5. *Могами Токунаи.* Эдзо со:си ко:хэн = Следующее издание «Записок об Эдзо» // Хокумон со:сё = Серия «Библиотека Севера». Т. 3. Токио : Кокусё канко:кай, 1972. С. 447–479. (на яп. яз.)
6. *Полонский А. С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 367–576.
7. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов (Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Т. 2). М. : Наука, 1989. 400 с.
8. *Соколов А. М.* Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. СПб. : МАЭ РАН, 2014. 766 с.
9. Танимото Акихиса. Кита-но икоккё: бакуфу гайко: но тэнкан то айну сидзё: но какки = Граница с другим государством на севере: поворот во внешней политике бакуфу и переломный момент в истории айнов // Нихон кинсэйси кэнкю: то рэкиси кё:ику = Исследования по истории Японии раннего Нового времени и историческое образование. Под ред. Такано Тосихико. Токио : Ямакава сюпанса, 2017. С. 100–141. (на яп. яз.)
10. *Черевко К. Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 688 с.
11. *Щепкин В. В.* Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (112) январь – март 2023 года. С. 58–70. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-58-70.
12. *Щепкин В. В.* Айны южных Курильских островов и становление российско-японских отношений во 2-й пол. XVIII в. // Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Коллективная монография / под ред. В. В. Щепкина. СПб. : ЛЕМА, 2020. С. 127–182.
13. *Щепкин В. В.* Российская колония на Урупе (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил // Японские исследования. 2022. № 4. С. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55.

14. Щепкин В. В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. М. : Круть, 2017. 392 с. (Новые исследования по японской культуре ; кн. 4).

15. Эдзоти иккэн = Дело о землях Эдзо // Син Хоккайдо: си = Новая история Хоккайдо. Т. 7. Сирё = Источники (1). Саппоро : Хоккайдо, 1969. С. 259–507. (на яп. яз.)

References

1. Alpatov V.M. Ainskii yazyk [Ainu language]. *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki* [World languages. Paleoasian languages]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 126–138. (in Russian)

2. Zhurnal posolstva A. Laksmana v Yaponiyu [Journal of A. Laxman's embassy to Japan] (Preobrazhenskii A.A. Pervoe russkoe posolstvo v Yaponiyu [First Russian embassy to Japan]) // *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive], 1961, no. 4, pp. 113-148. (in Russian)

3. Kartashov K.M. “Zhurnal russkoi ekspeditsii v Yaponiyu, s prilozheniem perezpiski komandira ekspeditsii s beregovymi vlastyami o razreshenii vkhodit v yaponskie gavani i vysadki ekipazha na bereg” kak istochnik po ekspeditsii A.K. Laksmana (1792–1793 gg.) [“Journal of Russian expedition to Japan with attachment of correspondence by the head of the expedition with the coastal authorities about permission to enter Japanese harbors and to land” as a source for the history of A.K. Laxman's expedition (1792-1793)]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies], 2017, no. 4, pp. 50-61. (in Russian)

4. Lim S.Ch. Vosstanie ainov na ostrove Kunashir i v Menasi (na severo-vostoke Edzo) v 1789 godu [An Ainu Uprising on the island of Kunashir and in Menashi region in 1789]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Humanities in Eastern Siberia and Far East], 2012, no. 1(17), pp. 87-92. (in Russian)

5. Mogami Tokunai. Ezo so:shi ko:hen [Continued edition of the Ainu notes]. *Hokumon so:sho* [Library series “The Northern Gate”], vol. 3. Tokyo, Kokusho kankokai publ., 1972. pp. 447-479. (in Japanese)

6. Polonskii A. S. Kurily [The Kurils]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Proceedings of the Department of Ethnography of the Imperial Russian Geographical Society], St. Petersburg, 1871, vol. 4, pp. 367-576. (in Russian)

7. *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov* [Russian Expeditions in the Northern Pacific in later half of 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 400 p. (Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v. T. 2 [Russians' Investigations in the Pacific Ocean in 18th and first half of 19th centuries. Vol. 2]). (in Russian)

8. Sokolov A. M. *Ainy: ot istokov do sovremennosti. Materialy k istorii stanovleniya ainskogo etnosa* [Ainu: from the origins to the contemporary era. Materials on the history of the Ainu people]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014, 766 p. (in Russian)

9. Tanimoto Akikihisa. Kita-no ikokkyo: bakufu gaiko: no tenkan to ainu shijo: no kakki [A border in the North: a change in the bakufu's foreign policy and transition in Ainu history]. *Nihon kinseishi kenkyu: to rekishi kyo:iku* [Studies on the history of early modern Japan and historical education]. Ed. by Takano Toshihiko. Tokyo, Yamakawa shuppansha Publ., 2017, pp. 100-141. (in Japanese)

10. Cherevko K.E. Rossiya na rubezhakh Yaponii, Kitaya i SShA (2-ya po-lovina XVII — nachalo XXI veka) [Russia on the borders of Japan, China and USA (2nd half of 17th century to the beginning of 21st century)]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii publ., 2010, 688 s. (in Russian)

11. Shchepkin V.V. Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv. [Ainu in the history of Russo-Japanese relations in 18th and 19th centuries]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Annals of RFBR. Humanities and social sciences, 2023, no. 1 (112), pp. 58-70. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-58-70 (in Russian)

12. Shchepkin V.V. Ainy yuzhnykh Kurilskikh ostrovov i stanovlenie rossiisko-yaponskikh otnoshenii vo 2-i pol. XVIII v. [Ainu of the Southern Kuril islands and the development of Russo-Japanese relations in the second half of 18th century]. *Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv.* [Ainu in the history of Russo-Japanese relations 18-19 centuries]. Ed. by V.V. Shchepkin. St. Petersburg, Lema Publ., 2020, pp. 127-182. (in Russian)

13. Shchepkin V.V. Rossiiskaya koloniya na Urupe (1795-1805) i ee vliyanie na politiku Yaponii v otnoshenii ainov yuzhnykh Kuril [Russian Settlement on the island of Urup (1795-1805) and

its influence on Japan's policy towards Southern Kuril Ainu]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies], 2022, no. 4, pp. 38-55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

14. Shchepkin V.V. *Severnyi veter: Rossiya i ainu v Yaponii XVIII v.* [The Wind from the North: Russia and Ainu in 18th century Japan]. Moscow, Krug publ., 2017, 392 p. (Novye issledovaniya po yaponskoi kulture ; kn. 4) [New studies on Japanese culture, book 4] (in Russian)

15. Ezochi ikken [The Case of Ainu Lands]. *Shin Hokkaido: shi* [The new history of Hokkaido], vol. 7, Shiryō [Sources] (1). Sapporo, Hokkaido: publ., 1969, pp. 259-507. (in Japanese)

Сведения об авторе

Щепкин Василий Владимирович

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт восточных рукописей РАН
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
e-mail: vshepkin@gmail.com*

Information about the author

Shchepkin Vasilii Vladimirovich

*Candidate of Sciences (History), Senior
Researcher Scientist
Institute of Oriental Manuscripts RAS
18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191186,
Russian Federation
e-mail: vshepkin@gmail.com*